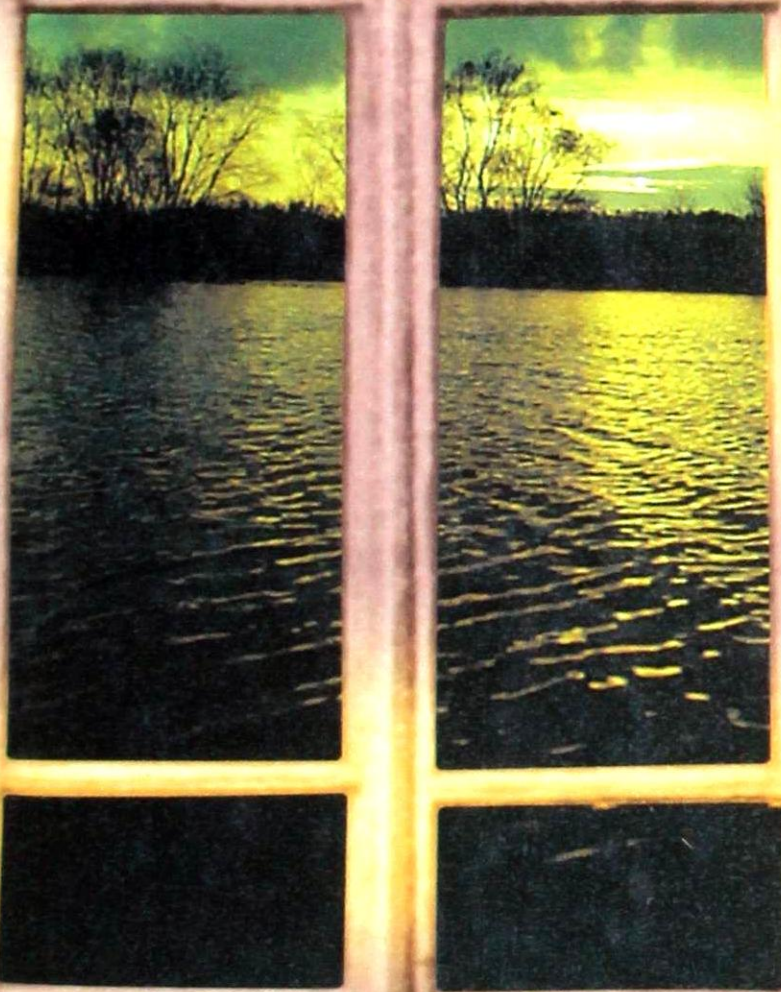

СВЗ
ПН

НИКОЛАЙ ПАЛЬКИН

*«Окрасился месяц
багрянцем...»*

73. 83501-1
85.31 Палькин Н
ПТ4 Окрасилея
месяц баг-
рянец-м.
Саратов, 1999

Николай ПАЛЬКИН

*«Окрасился месяц
багрянцем...»*

Страшная, великая сила – русская
песня! Все мужество, всю терпимость,
всю гордость народа, всю его
глубочайшую мудрость отражает она!

*Александр Николаевич
Вертинский*

*С песней наш народ куда угодно,
Наш народ без песни — никуда.*

05

83.31

1714

Николай ПАЛЬКИН

*«Окрасился месяц
багрянцем...»*

03 +
83501-1 ✓

БАЛАКОВСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Саратов
Региональное Приволжское издательство
«ДЕТСКАЯ КНИГА»
1999

*Ничего отрадней,
Ничего чудесней.
С песней я родился,
И помру я с песней.*

А. Савельев

Хочешь познать Россию — слушай народные песни

*Музыку народную слушай. И классическую,
ставшую народной, то есть принятую народом. Через
песни и музыку ты и людей полюбишь. И они тебя
полюбят. И помогут.*

*Мы то и дело повторяем: «Красота спасет мир». Михаил
Пришвин говорил: «Не красота спасет мир,
а добро». Писатель по-своему прав, но ничего не меняет
в нашем понимании, если принимать добро как высшее
проявление красоты. Следовало бы уточнить:
красота спасет мир, если мир спасет красоту.*

*Русские народные песни — добрые песни. В них часто
присутствует жалость. А жалость — та же любовь.
В народе «я тебя жалею» звучит как
«я тебя люблю».*

*Первый музыкальный инструмент на Руси сопелка.
Сопелка — дудочка из бузины или ивовой коры — еще
называется жалейкой. «Пожалей меня, жалейка...»
То есть окажи милосердие, будь доброй, полюби.
С жалейки и началось народное музыкальное искусство.*

*Песня не любит ходить в одиночку. Песня собирает
друзей. А там, где дружба, там добро, там любовь.*

*Слушай русские народные песни, и ты полюбишь Россию.
И в своей любви к родине найдешь себя.*

К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН. Мать. 1915

«У моей России очи голубые...»

*Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...*

А. С. Пушкин

Да, вот она, жизнь наша. Вернее, жизнь души нашей. От разгулья до тоски и обратно. Нет лихих пушкинских троек. Нет ямщиков. Седоков называют пассажирами или клиентами. В салоне такси или попутной иномарки, с мотором в десятки лошадиных сил, бесчинствует механически воспроизводимая одуряющая, оглуляющая, убивающая музыка, от которой повеситься можно. Спасает возможность в самый критический момент выскочить из машины. А дома или в гостинице выключить радио либо телевизор. Оградить себя от умопомрачения. Пойти к другу, где, возможно, звучат живые человеческие голоса, где поет, скажем, Федор Шалапин или Иван Козловский, Клавдия Шульженко или Владимир Трошин, Александр Вертинский или Людмила Сенчина, Людмила Зыкина или Иосиф Кобзон. Да мало ли... Не все же с ума посходили. Не все подменяют настоящее живое пение диким ором.

Ну а что же происходит с теми, кто принимает этот ор, кто бьется, как в падучей, на ревуших стадионах, где очередной «кумир», маскируя свое безгололие фонограммой, презрительно именуемой в народе «фанерой», наркотически превращает публику в безликую массу? Что происходит с ними, с их душами?

Душа! Загадочная русская душа! Сколько о ней написано! Сколько сказано! Кто только не пытался изобразить в слове, звуке, красках ее обладателей.

«Нет на свете людей, одаренных более, чем русские. Почти в каждом из них сидит какой-нибудь талант, иногда даже несколько, — писал Александр Куприн. — Взятые порознь, они удивительно толковы и понятливы. Соединенные вместе, но для дела и непременно под чьим-нибудь крепким водительством, они способны творить чудеса...

Но если те же русские соберутся самостоятельно для решения — все равно, своих ли собственных маленьких дел или больших государственных судеб — они мгновенно обращаются в беспастушное стадо.

Откуда-то из мрачных недр древней рабьей души внезапно восстают: самоуверенное невежество, крикливое упрямство, вязкая месть по личным счетам, пренебрежение к чужому мнению...»

Итак, русская душа — в одно и то же время — хорошее и плохое, плюс и минус, лед и пламя, черное и белое, свет и тьма. Говоря образно, русская душа — омут в ясный день. Сверху солнце, золото, в глубинах темь. Игра света и тьмы — это и есть русская душа.

Николай Бердяев, один из известных философов XX века, пытается дать нам ключ в руки: «Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от отталкивающего бахвальства, равно как и от бесхарактерного космополитического отрицания и иноземного рабства».

Принимайте, изображайте русскую душу такой, какова она есть на самом деле, советует философ. Совет понятный, доступный, но как им воспользоваться? Впрочем, каждый, кто хотел, делал это, как мог, по-своему. Каждый пел о России свою песню. Так было на протяжении веков.

Возвращаемся в век одиннадцатый. Читаем «Слово о законе и благодати» Илариона: «Не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима есть во всех концах земли...» Поднимаемся в тринадцатый век. Слушаем неизвестного поэта: «О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами ты нас дивишь: дивишь озерами многими, реками и источниками местнотимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями чудными, садами монастырскими, храмами церковными... Всего ты исполнена, земля Русская...»

А бессмертное творение безвестного автора «Слово о полку Игореве» — разве не песня во славу России?

*В городах затворены ворота,
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.*

И далее: «Земля гудит, реки мутно текут, прах поля покрывает...» И еще:

*Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко течет печаль по Руси...*

Печальна картина междуусобной братоубийственной борьбы. Но что там впереди? Впереди попытка русских князей договориться о дружбе перед лицом грозной опасности...

Андрей РУБЛЕВ. Троица. XV в.

М. В. НЕСТЕРОВ. Святая Русь. 1901—1905

В широком обобщающем смысле слова я бы и «Троицу» Андрея Рублева назвал песней о России.

А «Святая Русь» Нестерова — разве это не попытка художника выразить свою страну, свой народ с его светоносной и мученической судьбой? Константин Паустовский писал об этой картине:

«По широкой дороге среди перелесков и взгорий, мимо чистых речек и почернелых бревенчатых церквей, мерно роняющих в тишину осеннего дня колокольные звоны, мимо позабытых погостов и деревенок идет под светлым северным небом большая толпа.

Кого только нет в этой толпе! Идет вся Русь. Идет древний царь в тяжелой парче и литом золоте, идут... кандальники, робкие сермяжные мужички, подпаски с длинными кнутами... Идут юроды, побирушки, истовые старухи, плотники, косцы, грозные старцы с посохами, подмастерья, идут белоголовые дети...

В толпе идет Лев Толстой, а недалеко от него — Достоевский. Они идут в дорожной пыли со своим ищущим правды народом, идут вместе с ним в ясные, но пока еще далекие дали, о которых они не уставали говорить всю жизнь».

Пронзительная проза Ивана Бунина — разве не песня о России? Нежная, горькая, печальная песня о жизни как прекрасном пути от рождения человека до его смерти, песня о дворянской России, погибшей, к изумлению и по выражению самого писателя, в столь «волшебно краткий срок».

Поэзия Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Рубцова, гениальная музыка Георгия Свиридова — из того же песенного ряда. Средства разные, а смысл один — стремление разять и соединить, понять и запечатлеть.

Народная песня! Еще два века назад свою оценку ей (в буквальном смысле слова) дал наш земляк Александр Радищев. В одной из глав «Путешествия из Петербурга в Москву» он писал: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого... В них найдешь образование души нашего народа».

Песенная поэзия, возникшая задолго до появления письменной литературы, у нас в России впервые получила права гражданства в оценках Пушкина. Соглашаясь с ним, возводили песню на пьедестал духовной жизни и Лермонтов, и Глинка, и Чайковский, и Горький. Как никто, доступно и ярко, отметил слияние народной жизни с песней Гоголь: «Покажите мне народ, у которого бы было больше песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховьев до моря, по всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек...»

Дух, душа, духовность — источник и основа народного творчества. В каждой истинно народной песне частица души, а значит, и частица загадки, коль мы согласились с тем, что русскую душу, как и вообще Россию, «аршином общим не измерить».

М. В. НЕСТЕРОВ. Видение отроку Варфоломею. 1889—1890

Лучинушка (фрагмент). Из книги
«Русский лубок XVII–XIX вв.»

жизнь с милой, или гроб с могилой. Вот так, и не иначе. Страсть не слабее шекспировской. Чувства выше рассудка, как того требует наивная русская душа.

Невыразима, невыносима, необъяснима с точки зрения здравого смысла сердечная тоска. Но и разгулье тоже:

*Не лед трещит да не комар пищит,
Это кум да куме судака тащит.
Эх, кумушка, да ты, голубушка,
Свари куму судака, чтобы юшечка была.
Эх юшечка да с петрушечкой...
Поцелуй ты меня, кума-душечка...*

Шутка? Конечно. А что за ней? За ней при видимом озорстве безоглядная удаль, когда душа (прочь с дороги!) просит своего, когда всё гори синим пламенем, лишь бы душу отвести.

*Ну поцелуй... Ну поцелуй,
Кума-душечка... Эх!*

Сколько задора, лукавства, насмешливости в шуточных песнях: «Дуня-тонкопряха», «Как теща для зятя пирог спекла», «Мой муженька, работяженька», «Было у тещеньки семеро зятьев», в плясовых: «Ах вы, сени, мои сени», «Во лужях», «Из-под дуба, из-под вяза» — вплоть до «Камаринской». Сверхзнаменитая «Барыня», говорят, дольше века живет и, на тебе, не стареет. Не оттого ли, что, как замечал Горький, «в простоте слова — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, но ума и чувства вложено в них на целые книги».

Василий Розанов, долгое время находившийся в забвении на родине и наконец вернувшийся к нам со своими «Опавшими листьями» и другими раздумьями, в одной из философских работ утверждал, что Россия начинается не с государства, а с семьи, брака, воспитания детей. В любой семье, в любом доме роль воспитателя в свое время играла и песня. Жаль, что ее роль все больше сводится на нет. В семье, в доме уже нет той одухотворенности, того певческого праздника, какой сопровождал русского человека, особенно деревенского, от колыбели до последней березки. Американизация быта, американизация духа мало хорошего обещает русской душе. Остается надеяться лишь на то, что не все еще потеряно, не все утрачено, не все размотано по нашей лени, равнодушию и недомыслию. Не все еще, слава Богу, пущено по ветру цивилизации. Новые поколения еще не окончательно очерствели под бешеным натиском средств массового оболванивания, где душу живую давно заменил доллар. Даже молодые возвращаются от рок-музыки к музыке народной, и этот акт подобен возвращению с чужби-

Русская крестьянская свадьба. Из книги «Русский лубок XVII–XIX вв.»

В селе малом Ванька жил (фрагмент).
Из книги «Русский лубок XVII–XIX вв.»

ны на родину. Даже молодые понимают, что дорога назад к традициям — это дорога в будущее.

Вспомним, какие жемчужины, какие золотые россыпи оставили нам наши далекие и близкие предшественники. «Сижу за решеткой в темнице сырой», «Выхожу один я на дорогу», «Утро туманное, утро седое», «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село», «Гнутся над омутом лозы», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», «Мой костер в тумане светит», «Пара гнедых», «На закате ходит парень», «Снова замерло все до рассвета», «На солнечной поляночке», «Целую ночь соловей нам насвистывал»...

Счастлив поистине тот, кому удастся положить в духовную копилку народа свою, пусть и малую, лепту. К таким счастливым я бы причислил и себя.

В 1970 году в Саратове вышел мой очередной поэтический сборник «Куст калины». Вскоре Евгений Бикташев положил заглавное стихотворение на музыку. Саратовский композитор, как мне кажется, нашел мелодию, вполне соответствующую содержанию, и родилась еще одна лирическая песня. Но первой заметила «Куст калины» Людмила Зыкина. Не знаю уж, каким образом сборник попал к ней в руки, но певица незамедлительно отозвалась на него сочувственной рецензией в «Литературной газете». Для меня имело и до сих пор имеет значение само название рецензии — «Песня о России».

Что ж, думал я тогда, думаю и теперь: если великая исполнительница народных песен восприняла мою лирику именно так, значит, она увидела в ней нечто достойное столь высокого обобщения.

А награда? Что ж награда... Вслед за Тютчевым мы повторяем:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Сочувствие современников — это и есть награда.

КУСТ КАЛИНЫ

*Посреди долины
Белый куст калины.
Я спешу навстречу:
— Здравствуй, друг старинный!*

*Дай-ка на тебя мне
Вдоволь наглядеться,
Вот опять, как в детстве,
Мы с тобою вместе.*

*Сквозь года, тревоги
Стелются дороги.
По земле не мало
Походили ноги.*

*Много в жизни было.
Многое уплыло.
Но тебя, друг милый,
Сердце не забыло.*

*Да и как забыть мне
То, чем я гордился, —
Край, где я родился,
Людям пригодился.*

*Разве же ты бросишь
То, что в сердце носишь?
Разве позабудешь
То, что насмерть любишь?*

Триптих

(из книги «О, Волга!»)

Каков мастер, такова и работа.

Поговорка

Дар Валдая

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.

Это из известной народной песни. Ее литературная основа — часть стихотворения Ф. Глинки «Сон русского на чужбине».

А вот другая народная песня, тоже имеющая литературное происхождение:

*Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой...*

Итак, тройка удалая, Волга-матушка и колокольчик, дар Валдая. Не случайно они объединились в песнях, столь любимых народом. Волга зимой становилась надежной дорогой. На тройках ямщики возили не только почту, но и свою любовь и свою тоску. А без колокольчика под дугой какая это езда? Не зря в народе говорилось: «Звенит — потешает, ездить поспешает», «Купи — не скупись, ездй — веселись», «Звону много — веселей дорога». Такие надписи отливались на самих колокольчиках.

Откуда же на Руси взялись эти веселые и грустные, унылые и озорные, или, как их еще называли, поддужные, колокольчики?

В одном исследовании читаем: «Колокольчики отливались из того же бронзового сплава, что и большие колокола, имели ту же форму, но были невелики по размерам: их высота и диаметр (кстати, примерно равные друг другу) лежали в пределах от четырех до шестнадцати сантиметров. Оттого и голос у них был высокий, тонкий. Подвешивались они под дугой коренника; на шею пристяжных лошадей иногда дополнительно надевалась сбруя с бубенцами».

Поддужные колокольчики предназначались в основном для почтовых и курьерских троек. Ездили с ними и частные владельцы, что, между прочим, официальными властями не одобрялось. В 1836 году вышло постановление Сената, до-

Илья ГЛАЗУНОВ. Тройка

стойное того, чтобы его здесь процитировать. Вот о чем, в частности, говорилось в постановлении: «Воспретить употребление колокольчиков всем тем, которые едут на собственных или вольнонаемных лошадях, предоставив оные одной почтовой гоньбе и чиновникам земской полиции, едущим по обязанности службы».

Предшественником колокольчика на почтовых трактах был рожок, но он среди ямщиков так и не прижился. По словам Адама Олеария, немецкого дипломата, не раз посещавшего Россию в первой половине прошлого столетия, у каждого ямщика был рожок из бычьего рога. Однако ямщики, подъезжая к станции, закладывали два пальца в рот и вызывали смену свистом. Свист, хотя начальством он тоже не одобрялся, был далеко слышен, да и лошади под молодецкий посвист бежали веселее. В общем, рожок остался символом почтовой гоньбы, а его место прочно занял колокольчик.

История свидетельствует, что литьем поддужных колокольчиков занимались мастера и в Рязани, и в Тюмени, и в Касимове, и в Павлове, и в Пурехе, что лежит на Верхней Волге, но родиной считается село Валдай. Отсюда и понятие: дар Валдая. Известны и первые валдайские мастера: Филипп Терской и Алексей Смирнов. И год первых датированных колокольчиков — 1802-й.

Особого расцвета «звонкий» промысел достиг в пушкинскую эпоху, когда на Валдае действовали три колокольных завода и множество мастерских по изготовлению поддужных колокольчиков. Отлитый из бронзы «весельчак» полю-

Илья ГЛАЗУНОВ.
«Что ты жадно
глядишь на
дорогу...». Иллюстрация
к стихотворению
Н. А. Некрасова
«Тройка»

бился не только ямщикам и не только за то, что он оповещал своим звоном о приближении почтовой тройки. Он полюбился еще и за то, что предсказывал встречу с долгожданной родней, с близкой женщиной, с другом...

Вспомним пушкинские строки, обращенные к Пушкину:

*Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*

А блоковское: «Бубенчик под дугой лепечет о том, что счастье прошло...», есенинское: «Колокольчик среброзвонный, ты поешь? Иль сердцу снится?»...

В наши дни поддужный колокольчик можно встретить в музее или в какой-нибудь частной коллекции. Он давно честно и верно отслужил свое. Но разве и сейчас не дрогнет сердце, если вдруг голос певца начнет о том, как «однозвучно гремит колокольчик и дорога пылится слегка»?

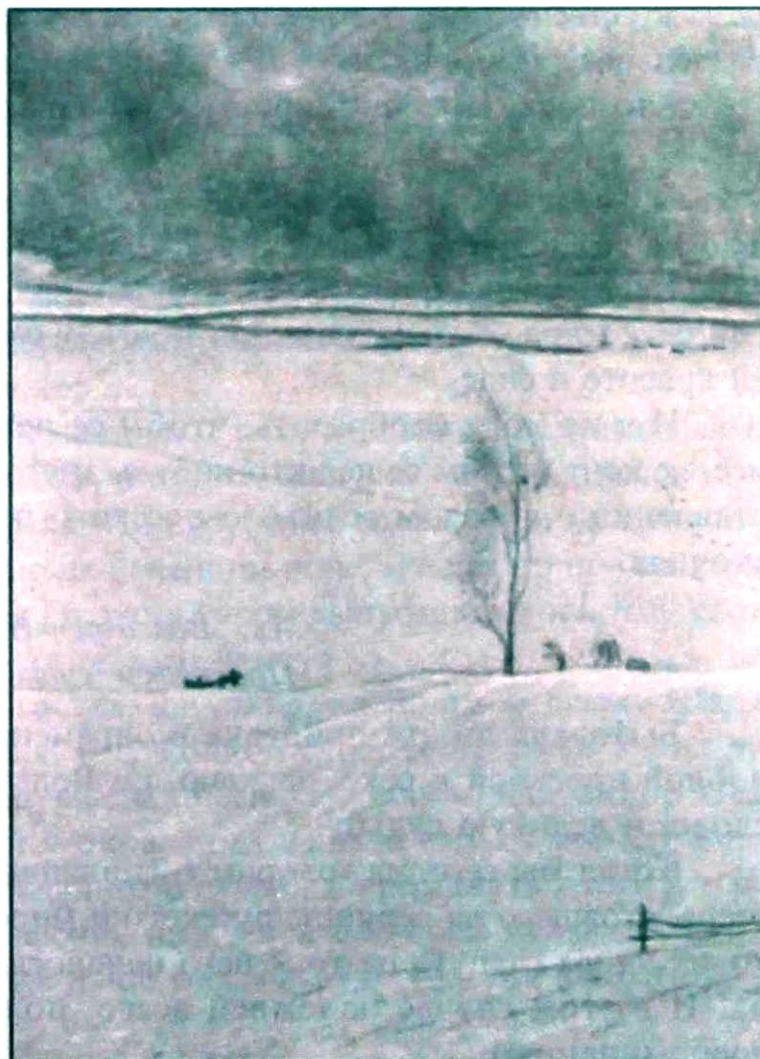
Что же касается постановления Сената, воспрещающего частным лицам в России использовать поддужные колокольчики, то оно, выражаясь современным

Валдайский Иверский монастырь
в конце XIX — начале XX в.

Илья ГЛАЗУНОВ. Иллюстрация
к стихотворению И. С. Никитина «Русь»

языком, было малоэффективным. Запрет этот часто нарушался. Желающих прокатиться «со звоном» в праздники, в дни свадьбы или проводов рекрута никто не мог остановить.

Никакое постановление не в силах было «воспретить» красоту поэзии, издаваемую колокольчиком с Валдая.

Песня солнышку

*Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву.*

Песня возникает не сразу, не вдруг, а как бы приходит издалека. Кажется, это идут бурлаки. Да, конечно, они. Кто же еще может петь так проникновенно, с такой безыскусственностью, петь, как говорят, душой. Голос волжский, и пение волжское, раздольное такое, широкое. И глубина в нем — кажется, дна не достать.

Кто поет? Шаляпин поет. Федор Иванович. Федор.

*Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!*

Невозможно представить, чтобы такая песня появилась на какой-нибудь другой реке мира. Только здесь, на Волге, у себя на родине, звучит она во всей своей красоте и силе.

И я не могу вообразить, чтобы ее пел кто-нибудь, кроме Шаляпина. Вернее, не хочу, чтобы ее пел кто-нибудь другой: так слилась эта песня в моем представлении с образом великого русского певца. Волжского певца, сказал бы я, уточняя.

*Ах, Волга-речка,
Подскажи словечко.*

Бытовала ли эта припевка во времена Шаляпина, обращался ли он с подобной просьбой к реке, не знаю, но Волга подсказала своему сыну и песенное слово, и великую судьбу.

Когда мы сегодня говорим о Шаляпине, мы имеем в виду прежде всего мастера, стоящего на вершине русского и мирового искусства, и не всегда нам приходит на ум глянуть на то, с чего началось его восхождение как человека и певца. И в этом случае надежней всего, пожалуй, довериться его собственным воспоминаниям.

И. Е. РЕПИН.
Бурлаки на
Волге. 1870.
Эскиз

«Темным вечером осени, — пишет он о себе, — я сижу на полатях у мельника Тихона Карповича, в деревне Ометовой, около Казани, за Суконной слободой. Жена мельника, Кирилловна, моя мать и две-три соседки прядут пряжу в полутемной комнате, освещенной неровным, неярким светом лучины... Дождь стучит за окнами; в трубе вздыхает ветер...

Женщины под жужжание веретен начинают петь заунывные песни о белых пушистых снегах, о девичьей тоске и о лучинушке, жалуясь, что она неясно горит. А она и в самом деле неясно горела. Под грустные слова душа моя тихонько грезила о чем-то, я летал над землею на огненном коне, мчался по полям среди пушистых снегов, воображая Бога, как Он рано утром выпускает из золотой клетки на простор синего неба солнце — огненную птицу».

В деревне и в городе, дома и в гостях, на улице, на Волге — всюду Шаляпина с ранних лет сопровождала песня. В Суконной слободе часто во время работы пел сосед-кузнец. «Когда кузнец запевал песню, — вспоминал Федор Иванович, — мать моя, сидя за работой у окна, подтягивала ему, и мне страшно нравилось, что два голоса поют так складно. Я старался примкнуть к ним и тоже осторожно подпевал, боясь спутать песню, но кузнец поощрял меня:

— Валяй, Федя, валяй! Пой — на душе веселей будет! Песня как птица — выпусти ее, она летит!»

Ф. И. Шаляпин. 1910-е гг.

А. Я. ГОЛОВИН. Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Бориса Годунова (фрагмент)

Народная музыка и стала для будущего певца той школой, где зародились его художественные вкусы, обнаружила себя шаляпинская самобытность, сводящаяся к тому, что в пении не только каждую фразу, каждое слово наполнял он смыслом. Имело значение и то, что рано он приобщился к театру, сначала эпизодически, а потом все более регулярно пел в хорах, оперетте и опере. С точки зрения приобретения профессионального мастерства все это было как нельзя кстати. И все же в значительной степени его учителем была и Волга.

Река постоянно влекла Федора, и он не отказывал себе в удовольствии поглядеться с нею. Однажды решил сходить в Нижний Новгород, но денег на пассажирский пароход не было, и он попросился на один из буксиров. Его взяли. Буксир тянул вверх по реке караван барж. Шаляпин быстро сдружился с матросами, питался с ними в артели и, может быть, как никогда ранее, почувствовал себя вольготно. Благодарная душа распахнулась, и он запел. Сначала пел как бы для себя, просто от избытка чувств, а потом, когда его просили повторить, пел для своих новых товарищей:

Ах ты, ноченька, ночка темная...

Он пел народные песни. Пожилые матросы, помнившие традиции волжских бурлаков, помогали ему, подсказывали. Может быть, тут, на буксире, он и усвоил манеру народного, волжского пения. Суть ее в том, что руководитель хора, он же руководитель ватаги, «шишка», время от времени сопровождает пение крепким словом — репликой. Именно эта манера много лет спустя помогла Шаляпину напеть бурлацкую песню «Ты взойди, взойди, солнце красное».

Алексей Максимович Горький после спектакля «Борис Годунов» писал из Нижнего Новгорода одному из своих корреспондентов: «Но был здесь Шаляпин. Этот человек — скромно говоря — гений... Ты знаешь — я терпеть не могу оперы, не понимаю музыки. Он не заставил меня измениться в этом отношении, но я пойду его слушать, если даже он целый вечер будет петь только одно "Господи, помилуй!.."»

Федор Иванович Шаляпин — великий оперный певец, и в то же время он народный певец, исполнитель народных песен.

С не меньшим восторгом отзывался Горький о концерте, где Федор Иванович пел арии из опер, русские народные песни, романсы: «Друг мой, это было нечто необычайное, никогда ничего подобного я не испытывал. Все — он спел 15 пьес — было покрыто, — разумеется, — рукоплесканиями, все было великолепно, оригинально... но я чувствовал, что будет что-то еще! И вот — «Блоха»!.. Когда он кончил петь... публика растерялась. С минуту — я не преувеличиваю! — все сидели молча и неподвижно...»

А вот свидетельства известного русского художника Михаила Васильевича Нестерова, которые приводит в своем документальном повествовании о Шаляпине Виктор Петелин. Наслушавшись всяких былей и небылиц о молодом талантливом певце, Нестеров решил увидеть его своими глазами и отправился на представление «Псковитянки», где Шаляпин играл главную роль — Ивана Грозного.

И вот он в театре, переполненном публикой. Размышляя о том, как изображали фигуру и характер Ивана Грозного Антокольский, Репин, Васнецов и другие художники, Михаил Васильевич с нетерпением ждал, что же преподнесет ему Шаляпин. Поначалу все шло как обычно, и эта обычность даже разочаровала художника. Но вот публика потянулась к биноклям, да и на сцене все ожило. Кажется, приближается выход грозного царя.

«Нестеров затаил дыхание, нервы его напряглись, словно электрический ток пронзил все тело, когда на сцене все пали ниц при виде богато убранного белого коня, который, кажется, еле-еле переступает по сцене. На коне — сгорбленная фигура грозного царя, уставшего в сражении с новгородцами, еще не снявшего тяжелые боевые доспехи. Какое-то время кажется, что царь равнодушно обво-

дит глазами павших в покорности псковичей. Но нет, из-под низко, до бровей надвинутого шлема засверкали внезапно ожесточившиеся глаза, не обещая ни снисхождения, ни пощады. Конь остановился. Царь неподвижен, лишь глаза его устремлены на расprostертых рабов своих... «Да, страшная минута... Грозный час пришел... Господи, помяни нас, грешных!..» — прошептал про себя Нестеров, видя, как онемел от ужаса весь зрительный зал, как вздрагивают бинокли у глаз ошеломленных зрителей. Какая тишина. Немая сцена, а какое потрясающее впечатление производит. Долго длиться она не может. Ух, слава богу, занавес опускается. Нестеров вздохнул с облегчением. Немая сцена без звука, а какое трагическое, жуткое воздействие... Весь театр в тяжелом оцепенении...

И тут раздался такой взрыв аплодисментов, с выкриками, стонами, что Нестеров, подхваченный общим восторгом, тоже вскочил и начал аплодировать и кричать, как все...»

Нельзя не позавидовать тому, кто видел и слышал живого Шаляпина. Но даже в грамзаписи слушать его — наслаждение. Величайшее богатство оставил нам певец — свой голос. «Чуют правду», — поет перед смертью Иван Сусанин, и кажется, что это исповедуется не Шаляпин, а действительно Сусанин. «Чур, дитя!» — страдальчески выговаривает Борис Годунов, и снова думается: поет не артист, а сам Борис, обреченный на страшные муки больной совести. «Люди гибнут за металл», — с едким сарказмом утверждает Мефистофель, и опять нам кажется, что это не Шаляпин, а сам Дьявол во плоти.

*Мы по берегу идем,
Песню солнышку поем.
Ай-да, да ай-да,
Ай-да, да ай-да,
Песню солнышку поем.*

Для меня ни в каком другом случае волжский шаляпинский голос не становится самим собой, как в этой крепкой бурлацкой песне.

И все, что сделал и оставил Шаляпин, воспринимается как песня солнышку. Как гимн русскому народу и Волге родной.

«Эй, ухнем!»

Величием и красотой Волга очаровывала не только русскую душу, но и души гостей из других стран. Автор «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо» Александр Дюма после путешествия в Россию выпустил в 1859 году книгу «От Парижа до Астрахани». В путевых заметках он, в частности, писал: «Каждая страна имеет свою национальную реку. Россия имеет Волгу — самую боль-

И. Е. РЕПИН. Бурлаки на Волге. 1870—1873

шую реку в Европе, царицу наших рек, и я поспешил поклониться ее величеству Волге».

Царице рек спешили поклониться многие из тех, кто приезжал в Россию и открыл для себя ее красоту, ее народ, ее песни. Волжская, могучая, раздольная песня «Эй, ухнем!» покорила композитора Гуно, автора оперы «Фауст». Недаром он признавался: «Скорее я выпил бы всю воду в Волге, чем охладел бы к чудным звукам этой русской песни».

Знаменитая «Эй, ухнем!» родилась из бурлацкого «уханья». Она, может быть, как никакая другая, выражала волю артели, призыв к единению на пути преодоления трудностей.

Подобные песни едва ли не первым из композиторов заметил уроженец Нижнего Новгорода Миль Балакирев. Он стал их собирать и обрабатывать, чтобы в более совершенном виде вернуть народу. В 1866 году вышел «Сборник русских народных песен». Все они были записаны на Волге от крестьян и от бурлаков. И в первую очередь, несомненно, от бурлаков. Ведь песенное творчество бурлацкой артели — явление поистине уникальное. В бурлаки брали при двух условиях: если человек вынослив и умеет петь. Главный, ведущий бурлак — шишка — бывал и запевалой.

Пристрастие Балакирева к народному творчеству разделили и другие крупные музыканты, составившие так называемый «Балакиревский кружок», или «Могучую кучку». Александр Бородин, задумав оперу «Князь Игорь», может, потому и приезжал работать под Кинешму, что хотел соизмерить мощью великой реки мощь своей музыки. Не исключено, что как раз Волга и помогла ему стать певцом славы и силы народа.

Представители «Могучей кучки» Балакирев, Бородин, Кюи, Мусоргский, Римский-Корсаков вложили свои чувства, поэзию, талант, умение в искусство, которое становилось все более понятным народу и служило ему. Петр Чайковский не входил в «Могучую кучку», но был близок к ней. Он гордился тем, что умел выражать чувства правдиво, искренно и просто. С балакиревцами его роднило постоянное обращение к народному творчеству. Уже в Первой симфонии «Зимние грезы», полной лирических образов родной природы, Чайковский широко использовал народно-жанровые элементы. Во Второй симфонии звучит тема украинской народной песни «Журавель», в праздничном финале знаменитой Четвертой симфонии — тема русской народной песни «Во поле березонька стояла».

Композитор обращался непосредственно к волжской теме, когда работал над оперой «Воевода» по пьесе А.Н. Островского «Сон на Волге».

Старый беккеровский рояль, находящийся в Доме-музее Чайковского в Клину, мог бы рассказать о том, как творил музыку его великий хозяин. Но рояль молчит. Впрочем, для времени в этом нет утраты. Музыка Чайковского, как все прекрасное, живет в народе не только нашей страны, но и всего мира и будет жить вечно. Она бессмертна.

Чайковский, как и представители «Могучей кучки», несомненно, знал: подлинным шедевром может стать лишь то, что рождается из артезианских глубин народной жизни.

Русская народная песня «Эй, ухнем!» была в этом смысле для великих музыкантов образцом.

РОССИЯ

*У моей России
Очи голубые,
Очи голубые,
Русая коса.
На лесных озерах,
На степных просторах
Поднялась России
Дивная краса.*

*У моей России
Руки золотые,
Руки золотые,
Славная судьба,
Где она прикажет,
Там дорога ляжет.
Где она захочет,
Там встают хлеба.*

*У моей России
Думы молодые,
Думы молодые,
Чтоб для всех весна.
Если к ней с любовью —
Встретит хлебом-солью.
Если к ней с обманом —
Не простит она.*

*У моей России
Песни вековые,
Песни вековые,
Слава соловья...
Ты живи, Россия,
Ты цвети, Россия,
Милая Россия,
Родина моя.*

«Как зеленый лес, как широкая степь...»

*Чудится, поют вдали березы,
Берега поют, и в поле рожь.
Даже если вовсе безголосый,
Все равно на Волге запоешь.*

К этому разговору приступаю с волнением и даже с некоторой тревогой, ибо песня для меня нечто большее, чем просто музыка и слова. Песня — моя радость, моя боль, мои бессонные ночи, и я не могу говорить о ней без той внутренней дрожи, с которой говорят о самом заветном и дорогом. В жизни нашего народа песня стала особым явлением, о чем много пишут и спорят. В песне видят средство познания духовной жизни, средство борьбы за сердца и души людей, и относиться к ней хладнокровно могут только духовно ущербные люди.

Впрочем, благоговейное отношение к песне сложилось давно, еще при наших прапрадедах, и бытовало оно тогда в еще более сильных и менее формальных выражениях. Кто не знает гоголевской фразы о том, что песня — это «народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа». Не грех повторить бунинские сравнения красоты народной песни с красотой весенних зорь, зеленого леса, широкой степи. Тысячу раз прав тот, кто однажды в порыве горячей любви к ней назвал песню чудом, от которого никому никакого убытка, но великая прибыль душе. Словом, песня — это то, без чего невозможно представить жизнь народа, как невозможно представить нашу землю без лесов и полей, весенних рассветов и зимних сумерек, майских яблонь и летних гроз. Быть причастным к рождению этого чуда — великое счастье.

Какие песни отбирает народ на вечное хранение? Что входит в сокровищницу его духовной жизни? Какие песни глубоко западают в его душу?

Давайте внимательно прислушаемся к пению, и мы, может быть, ответим на поставленные вопросы. Но слушать мы будем не тех исполнителей из нынешних, плодящихся, как грибы, ансамблей и становящихся рабами своих супермодных репертуаров, и не тех молодых людей, кои, одурманенные никотино-алкогольной отравой, орут в подворотнях под гитару, и не тех крикливых,

истеричных телепевиц, чьи ужимки и прыжки оскорбительны не только для глаза, но и для души. Нет, мы слушаем тех, кто далек от позы и от моды и поет для себя, как повелело сердце, в минуты спокойного отдыха и душевной сосредоточенности.

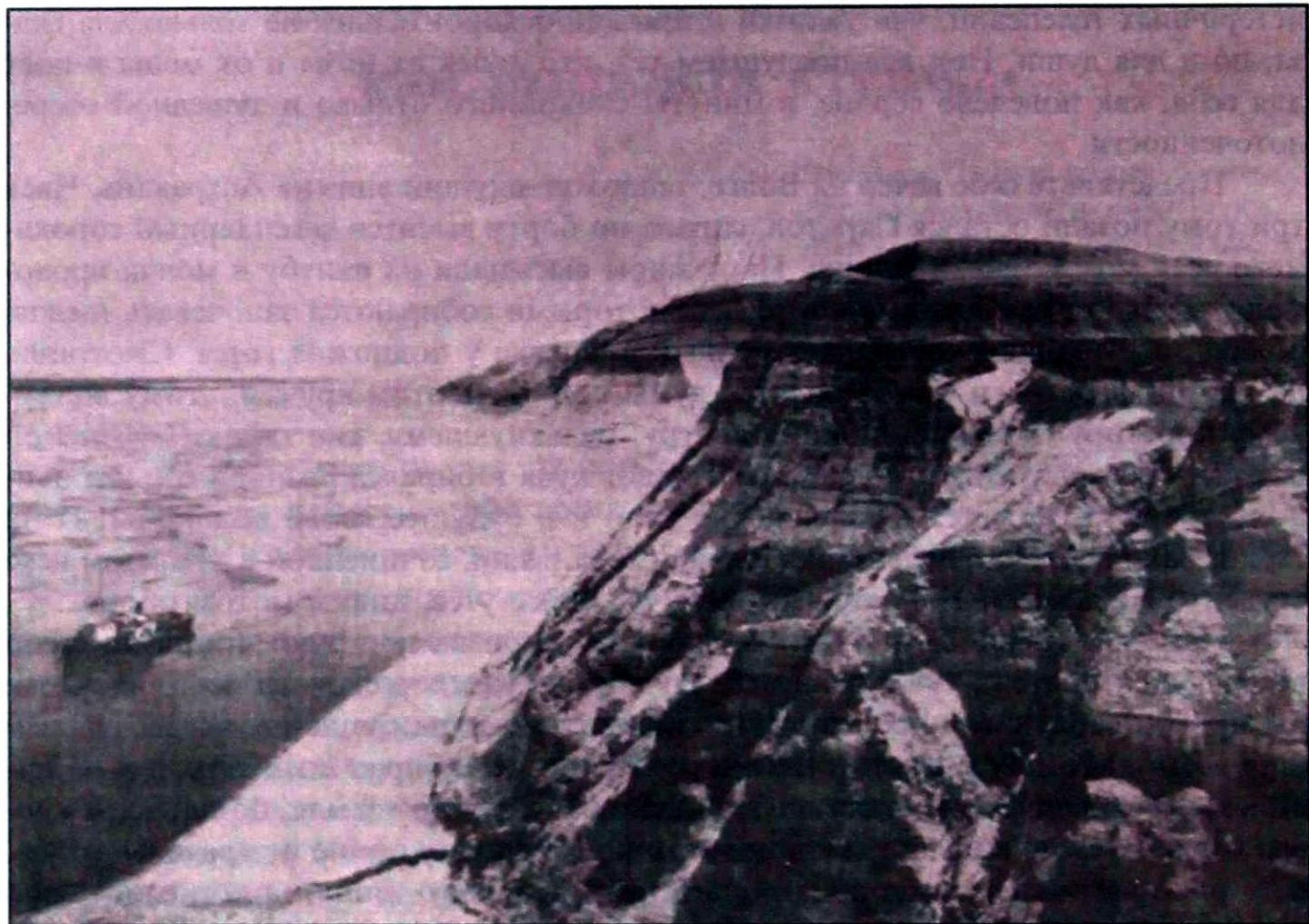
Представьте себе вечер на Волге, теплоход, идущий вниз на Астрахань. Часа три тому позади остался Саратов, справа по борту высится легендарный сорокаметровый утес Стеньки Разина. Пассажиры высыпали на палубу и молча провожают взглядом высоченные кручи, над которыми собираются заночевать низкие облака, и рыбацкий костер, зажженный в устье у подножия горы. Смотришь на крутой берег — и в тебе рождаются думы под стать этим кручам, этому волжскому простору, этому одинокому костру, мелькнувшему, как тайна. Так вот он какой — утес знаменитого атамана! Так вот куда взбирался Разин, в гордом одиночестве всматривался в заволжские дали и в будущее своей вольницы! И на сердце закипают, как перекатная волна, слова песни, сочиненной в прошлом веке студентом Алексеем Наврошкин: «Есть на Волге утес, диким мохом оброс...»

Нашлись и голоса, и взяли песню, как человека под руки, и повели ее по вечеряющей Волге, а тут и баян вздохнул, и вот уже хор сначала нестройно, как бы пробуя себя, затем все слитней и мощнее понес над водой чувства, владевшие всеми, кто пел и слушал. И никто певцов не собирал специально и не наставлял, руководителем стала любовь к Волге, к родной земле, по которой провел когда-то свою вольницу казачий атаман. И пели эту песню не праздные люди, а те рабочие и служащие из города Куйбышева, что лишь на короткий срок оторвались от своих повседневных дел и решили провести свой отпуск на теплоходе, чтобы еще раз во всей широте и многообразии увидеть волжскую былинную красоту.

Здесь, «пониже города Саратова... повыше города Камышина», на открытом ветру, пахнушем глубокой водой и бескрайней степью, песня звучала по-особому. Казалось, здесь она родилась и будет жить вечно, как эти крутые берега.

Песня об утесе Стеньки Разина была первой в этот вечер, а вслед за ней звучали и звучали с тем же раздумьем о жизни, о судьбе «Подмосковные вечера», «Каким ты был, таким остался», «Степь да степь крутом», «Огней так много золотых на улицах Саратова», «Бьется в тесной печурке огонь». Звучали песни разные: старые и новые, веселые и грустные, патристические и шуточные, но не было ни одной, построенной на словесном кривлянье и музыкальном производе, то есть тех поделок, которые, как всякая серость и безвкусица, весьма и весьма живучи и обладают поразительной способностью претендовать на повышенное внимание.

Для себя я делю песни на те, которые держатся на слуху, и те, которые нелегко на душе. Первые в одно ухо влетают, в другое вылетают.

Жигули. Стан Степана Разина. 1894 — 1895 гг.

ют, «умирают, не успев родиться, отцветают, не успев зацвести». Но поскольку люди, страдающие безвкусицей, а то и просто недобросовестные повторяют подобные, извините, песни изо дня в день и пропагандируют их с колоссальной настойчивостью, то они, эти так называемые песни, действительно какое-то время держатся на слуху, как репьев на одежде. Благо, что и от репьев можно очиститься, хотя иметь с ними дело неприятно.

При внимательном рассмотрении такие сочинения противоречат золотому народному правилу: «Из песни слова не выкинешь». Из них не то что слово, все можно выкинуть, и при этом никто и ничто не пострадает, «репьев» только меньше станет.

Песни второго вида, песни, надолго западающие в душу, это по преимуществу произведения искусства, отличающиеся глубиной содержания и подлинной музыкальной красотой. Они волнуют нас, как сама живая жизнь, и потому долговечны.

Во всяком случае, этот импровизированный концерт, возникший в один из августовских вечеров 1980 года на борту теплохода «Денис Давыдов», еще раз убедил меня в том, что наш народ бережет в своей душе прежде всего те песни, которые так или иначе выражают его историю, его судьбу и раскрывают нетленную красоту самой души народной.

Я приступил к разговору о песне не только из-за великой любви к ней, но еще из твердого желания попытаться ответить на постоянно повторяющийся в читательских аудиториях вопрос: «Как рождается песня?» Каждого, кто дочитает эту статью, я прошу не искать в ней и намека на какое-нибудь литературоведческое открытие или на какие-нибудь рецепты по созданию песен. Все, что я успел сказать и еще скажу, основано на моих собственных наблюдениях за жизнью песни и на моем более чем скромном участии в работе над ней.

«Последнее письмо»

В один из осенних дней 1954 года «Комсомольская правда» напечатала подборку из тринадцати моих стихотворений (счастливое число «тринадцать»!), а неделю спустя в Вешняки, в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ, где я тогда учился, пришло письмо от неизвестного мне Александра Ивановича Живцова. Автор письма сообщал о том, что положил на музыку стихотворение «Последнее письмо», напечатанное в «Комсомолке», и просил приехать в Москву на Неглинную, 14. Оказалось, что по указанному адресу размещается Музгиз, а сам Александр Иванович является главным редактором ведущего музыкального издательства.

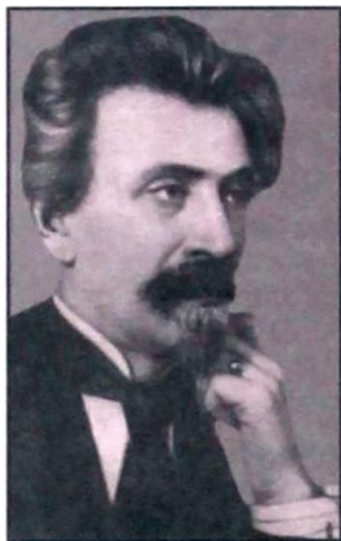
Делая вид, будто он не замечает моего смущения, Александр Иванович усадил меня на стул в своем рабочем кабинете, сам сел за пианино, и я словно воспарил на крыльях, узнавая и не узнавая собственные стихи, соединенные с незнакомой мелодией:

*Больше ты от меня не получишь
Ни открытки и ни письма
Чем так мучиться, знаешь лучше
Я приеду к тебе сама.*

Композитор негромко пел, а я все никак не мог прийти в себя от свершившегося чуда: написанные мной стихи вдруг обрели иную форму, иную окраску, иное звучание, они стали песней, и для меня это было открытием удивительным и радостным.

Впереди меня ждал еще один сюрприз. Оказывается, Александр Иванович написал музыку и на другое стихотворение из той же подборки — «Не зови меня

Танцевальная группа
хора им. Пятницкого

М. Е. Пятницкий

*«Тот, кто любит
шум наших лесов,
родное приволье лугов
и полей, ясную гладь
наших рек и тебя,
русский народ, тот
никогда не исторгнет
из души своей тебя,
русская песня,
и будет ценить
тебя, как чистое
золото творчества,
чувства и невидимой
и вечной власти
над душою...»*

Из адреса,
преподнесенного
М. Е. Пятницкому
благодарными
слушателями

спать, перепелка». Во второй мелодии, как и в первой, было тоже нечто светлое, нежное, я бы сказал, акварельное. Обе песни мне понравились, и я, уходя от композитора, уносил не только чувство глубочайшей благодарности к нему, но и вдруг зародившееся чувство уважения к себе. Вон, оказывается, что — я могу сочинять песни!

Не успел пережить одну радость, как в душе вспыхнула другая. В Вешняки приехала девушка из хора имени Пятницкого и сказала, что меня желает видеть сам Владимир Григорьевич Захаров. Нетрудно представить, что я при этом перечувствовал. Композитор Захаров! Для кого-то это имя было обычным, для меня же, благоговеющего перед песней, в нем заключался целый неразгаданный мир. Вспомнились весенние вечера из школьного детства с первой зеленой травкой, с шумными играми в лапту и городки и с неизменной чарующей песней:

*На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.*

БАЛАКОВСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
РЕАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Содержание

«У моей России очи голубые...»	7
Триптих	16
Дар Валдая	16
Песня солнышку	20
«Эй, ухнем!»	24
«Как зеленый лес, как широкая степь...»	28
«Последнее письмо»	31
«Ноченька»	34
«Не зови меня спать, перепелка»	37
«У омута»	39
«Не ругай меня, мама»	41
«Ты цветы, Россия»	42
«Что хотите говорите»	44
«На тропинке»	48
«Двадцатая весна»	49
Третье чудо	52
Ночлег в Русском Ишиме	60
«Окрасился месяц багрянцем...»	63
«Летят утки»	78

Отрада	87
Наша и всей России	87
Именно здесь, и нигде более	93
В гостях у Василия Васильевича	102
Чародей	106
«Из-за него я приехал в Саратов...»	110
«Что создал народ, никогда не умрет...»	114
Звонарь	121
Саратовская говорунья	130
Фрагменты	135
«У зари-то, у зореньки...»	135
«Балашовская курточка»	136
«Ревет та стогне Днипр широкий...»	138
«Горят, горят пожары...»	139
«Вдоль да по речке...»	143
Об одном вальсе и об одном романсе	157
Земной поклон	167
Двести судеб в одной судьбе	167
Редкие минуты	169
«Средь шумного бала...»	171
«Глянь с горы Соколовой...»	175
Два слова на прощанье	183

Составитель иллюстративного материала
В. К. Иванов

Автор глубоко признателен руководителям
Саратовской областной Думы, Саратовской мэрии,
Регистрационной палаты, Внебюджетного фонда
Правительства Саратовской области,
Поволжской академии государственной службы,
Администрации Волжского района Саратова,
всем, кто материально или морально
поддержал издание этой книги.

Издательство выражает благодарность за сотрудничество
отделу редких книг Зональной научной библиотеки
им. В. А. Артисевич Саратовского госуниверситета
им. Н. Г. Чернышевского.

Палькин Н. Е.

П14 «Окрасился месяц багрянцем...». – Саратов: Регион. Приволж. изд-во
«Детская книга», 1999. – 192 с.: ил.
ISBN 5-8270-0234-8

В чем красота и сила русской песни? Как уберечь и сохранить вековые традиции песенного искусства? Кому обязаны мы своей духовностью? Как в конце концов рождаются песни новые? Поиски ответов на эти вопросы и составляют содержание книги поэта, лауреата Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева Николая Егоровича Палькина.

Издание иллюстрировано большим количеством фотографий. Предлагается широкому кругу читателей.

П $\frac{4702010206-01}{Д24(03)-99}$ без объявл.

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-8270-0234-8

- © Региональное Приволжское издательство «Детская книга», 1999.
- © Николай Егорович Палькин, автор, 1999.
- © Валентин Константинович Иванов, художник, 1999.

Литературно-художественное издание

Николай Егорович Палькин
«Окрасился месяц багрянцем...»

Редактор *Е. Феклистова*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Долгова*
Компьютерный набор *А. Вострикова*
Компьютерная верстка *Л. Жариковой*
Корректор *Е. Феклистова*

В книге использованы фотографии:
И. П. Стахова, Н. Л. Бакатова,
В. Л. Муравейникова, Н. А. Кленова
и из архива издательства «Кадр»

Рисунки *А. Ю. Богатова*

ИБ № 234

Лицензия ЛР № 010133 от 15.12.1996. Сдано в набор
11.12.98. Подписано в печать 16.08.99. Формат 70х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 14,04+1,17 вклейка. Уч.-изд. л. 13,65+1,9
вклейка. Тираж 3000. Заказ 1979

Региональное Приволжское издательство «Детская
книга». 410600, г. Саратов, ул. Вольская, 63.

Государственное унитарное предприятие «Саратов-
ский полиграфический комбинат» Государственного
комитета Российской Федерации по печати. 410790,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.